

Когда мой папа стал кустом

Йоке ван Левен

Для тех, кто
не теряет надежду

Йоке ван Леувен
Когда мой папа стал кустом
Серия «Лучшая новая книжка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74378666

Когда мой папа стал кустом: Москва; 2026

ISBN 978-5-00167-874-8

Аннотация

Прежде чем стать кустом, отец Тоды был пекарем. Каждый день он просыпался до рассвета, чтобы испечь двадцать сортов пирожных и три вида тортов. Пока однажды всё не изменилось. Начались боевые действия, и отец Тоды отправился туда, где одни сражаются с другими. К счастью, у него есть маленькая книжка, которая учит солдат превращаться в кусты, чтобы противник их не распознал.

А Тода осталась с бабушкой в городе, но и там беспокойно. Её ждёт долгая дорога к матери в соседнюю страну. На пути ей встретятся те, кто захочет задержать, и те, кто поможет добрым советом. Это путешествие таит в себе опасности, но Тода не сдаётся. Она должна найти свою маму!

Содержание

1	6
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Йоке ван Леувен

Когда мой папа стал кустом

Joke van Leeuwen

Toen mij n vader een struik werd

Copyright text and illustrations © 2010 by Joke van Leeuwen

Original title *Toen mijn vader een struik werd*

First published in 2010 by Em. Querido's Uitgeverij,

Amsterdam

© Екатерина Торицына, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом
«Самокат», 2026

Книга издана при поддержке Нидерландского литературного фонда

Nederlands
letterenfonds
dutch foundation
for literature

1

Прежде чем папа стал кустом, мы жили в другом месте

Тогда я не думала, что мы живём в другом месте. Наоборот, это там, где мы не жили, было другое место.

Дома любой мог произнести моё имя без запинки. Там, где я живу сейчас, это ни у кого не получается. Здешние люди не умеют произносить звук «ф». Первый человек, который решился произнести моё имя, чуть не сломал себе язык.

Поэтому пока я говорю всем, что меня зовут Тода. Это четыре последние буквы моего имени, в котором звук «ф» встречается четыре раза.

Я жила с папой в маленьком городке. Мне наш город не казался маленьким.

Мама с нами не жила. На самом деле я её почти не знала. У меня была только фотография, на которой она улыбается.

Иногда мы с ней разговаривали по телефону, но обычно я не знала, что сказать. Мама уверяла, что скучает по мне, но почему же она тогда не приезжала? От папы я узнала, что она ушла, когда мне был год. Не из-за меня, а потому что больше так не могла. А как именно она не могла, папа не рассказывал. А я и не спрашивала.

Прежде чем стать кустом, папа был кондитером. Он вставал в четыре часа утра, чтобы сделать двадцать сортов пирожных и три вида тортов.

Днём он их продавал, и всё это тут же съедалось. А на следующее утро ему опять приходилось вставать в четыре часа утра, чтобы сделать двадцать сортов пирожных и три вида тортов. Папа говорил, что мне не стоит становиться конди-

тером. Что пусть я лучше буду продавать что-нибудь такое, что не будут съедать настолько быстро.

Но у него на работе так вкусно пахло!

Однажды вечером он посадил меня к себе на колени и сказал, что люди почти перестали покупать пирожные. Наша страна переживала трудные времена. На юге шли бои между одними и другими. До нас боевые действия пока не дошли, но, если всё будет продолжаться в том же духе, скоро это произойдёт. Ещё папа сказал, что со мной проживёт бабушка. Сам он должен уехать, чтобы защищать одних от других, несмотря на то что у него были друзья, которые примкнули к другим. Но ехать нужно, хотя он бы предпочёл печь пирожные.

Он показал мне тоненькую тёмно-зелёную книжку. Она называлась «Что должен знать каждый солдат». В одной из глав рассказывалось о камуфляже. Это слово было мне на тот момент не знакомо.

– Камуфляж, – сказал папа, – это искусство маскироваться, чтобы стать незаметным. Умение сливаться с окружающей средой.

В книжке был рисунок солдата, замаскированного под куст.

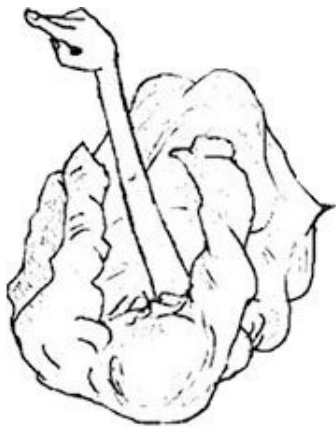
На другой странице были изображены всякие знаки отличия. Военному, который очень хорошо умеет воевать, их вышивает на форме тот, кто очень хорошо умеет вышивать. Солдатам полагалась вышивка шерстяной нитью, а генералам – золотой.

Папа уехал, и приехала бабушка. Она поставила сахарницу не на своё место и застелила диван пледом, отчего дивану явно поплохело. Я рассказала бабушке, что папе приходится притворяться кустом. Она ответила, что, скорее всего, он так делает только в лесу. А не в городе. Что если кто начнёт притворяться кустом посреди улицы, то только, наоборот, привлечёт к себе внимание.

Я стала думать, какой камуфляж понадобится папе в городе. Ему, наверное, придётся делать вид, что он почтовый ящик или припаркованная машина. А может, дерево или крыльцо.

В школе меня как-то раз попросили притвориться деревом, но при этом настоящие ветки и листья использовать было нельзя. С такими правилами очень сложно выглядеть не как человек. Мои руки тянулись к потолку, как две толстые ветки с десятью тоненькими веточками. Для пущего сходства я приговаривала: «Шелестим, шелестим».

Одной девочке из моего класса удавалось поразительно точно изображать животных и предметы. Но при этом она всё равно оставалась похожей на себя.

лебедь

сахарница

Папе использовать для маскировки ветки и листья было можно. Это я поняла по картинке в той тёмно-зелёной книжке. Вот и хорошо: так враг папу точно не заметит. Враг подумает: это куст. Или просто пройдёт мимо и ничего не подумает. Ведь обычно, когда мы идём мимо куста, мы просто идём и не думаем: это куст. В любом случае враг не станет ни с того ни с сего стрелять в куст. А вообще, подумала я, если папа замаскируется очень хорошо, то даже птицы не заметят подвоха. Они соведут у него на голове гнездо и будут высидывать там птенцов.

Но вдруг у врага тоже есть книжка, где объясняется искусство камуфляжа? Что, если все станут кустами? Как же

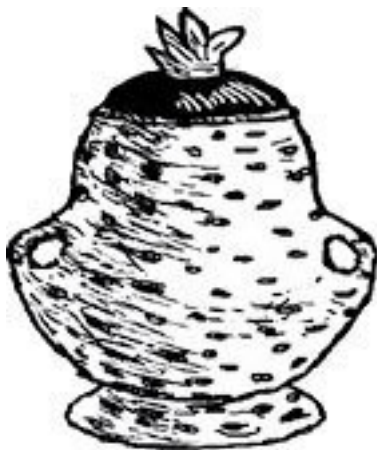
они тогда поймут, кто за одних, а кто за других?

Я много думала о подобных вещах, но у бабушки не спрашивала, хотя она уже повидала одну войну на своём веку. Она повидала войну и осталась целая-целёшенька.

Бабушка обняла меня и сказала:

– Твой папа уже взрослый мужчина, но он навсегда останется моим ребёнком.

И посмотрела в окно на улицу, как будто он в любой момент мог вернуться.

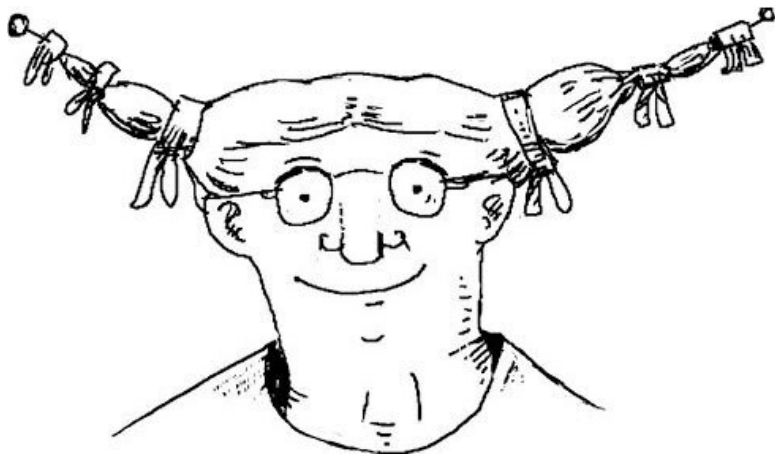
2

Моя бабушка – очень терпеливый человек. Иногда она вытаскивала шпильки из своей причёски и разрешала мне причесать её по-другому.

* * *

И при этом тихонько сидела на диване с закрытыми глазами. Только иногда говорила, что я слишком сильно дёргаю и что ей не хочется через десять лет остаться совсем без волос. Когда причёска была готова, бабушка со смехом рассматривала себя в зеркале.

Но потом опять укладывала волосы как обычно.

По ночам все бабушкины шпильки рядочком лежали у неё на тумбочке, а волосы – волнами на подушке. Я это увидела, когда однажды ночью забралась к ней в постель. Лежать в своей кровати мне было страшно. С улицы доносились громкие взрывы, и по обоям пробегали вспышки света. Бабушка сказала, что война добралась и до нас. И что лучше спуститься в кондитерскую и лечь там. Мы взяли одеяло и две подушки. Внизу бабушка расстелила плед – тот самый, с дивана – под столом для готовки. Казалось, что пол припорошило снегом, но это была мука.

Духовка с открытой дверцей глядела на нас своим большим чёрным глазом. Со стороны улицы под самым потолком

было два маленьких окошка. Если на улице было светло, то можно было разглядеть, какая обувь у идущего мимо человека. А когда в пекарне становилось слишком жарко, папа выходил в сад, который располагался с другой стороны, ниже улицы.

Бабушка пыталась спеть мне песенку. Голос у неё был шаткий. Она пела старинную песню о траве и деревьях. Я спросила, когда прекратятся взрывы, но она не знала.

– Может, когда начнётся сильный дождь, – предположила я. – И все разойдутся по домам.

Я очень надеялась, что начнётся сильный дождь.

Кажется, я пролежала так целый час.

Наконец взрывы прекратились, и я заснула.

Когда мы открыли глаза, было уже совсем светло. Бабушка еле смогла разогнуться, так у неё всё затекло на холодном жёстком полу.

За завтраком она всё никак не могла перестать выговаривать банке с джемом, что все с ума посходили.

Наверняка думала о моём папе, потому что он её сын.

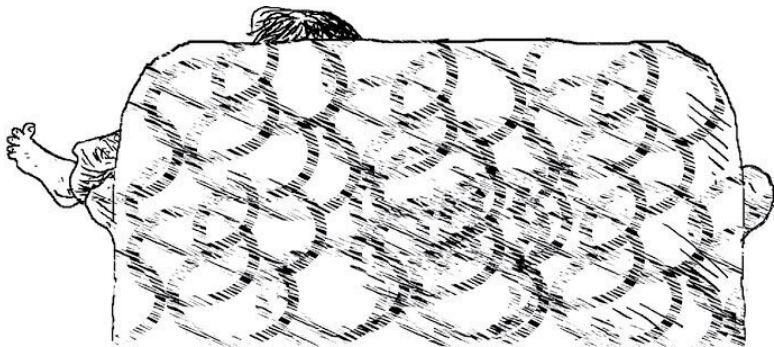
Я размышляла о камуфляже. Было бы хорошо слиться с окружающей средой, чтобы враг никогда не узнал, где я. Никто бы не узнал. И если бы враг стал обо мне расспрашивать, люди бы отвечали: «А, эта девочка! Понятия не имеем, где она. Не помним даже, как она выглядит».

Может быть, со временем все бы обо мне забыли. Так бы я и сидела, замаскировавшись, и никто бы не пришёл и не сказал: «Вылезай, война закончилась».

Бабушка запретила мне выходить на улицу. Я видела, как она пытается кому-то позвонить, но телефон не работал. Она сказала, что пойдёт по каким-то делам, а я чтобы сидела дома и никому не открывала дверь.

У бабушки было такое каменное лицо – казалось, что кожа пойдёт трещинами, если она улыбнётся.

Когда она ушла, я села на диван, на котором больше не было пледа.

Не будет больше обычных дней, когда можно заниматься обычными делами. И обычных ночей, когда можно просто спать, а потом просто просыпаться. Я два часа просидела на диване, мечтая о том, чтобы поделаться что-нибудь обычное. И тут услышала звонок в дверь. От страха в моё тело будто вонзилось много-много булавок. А вдруг за дверью стоит враг?

Звонок всё не переставал, как будто враг знал, что в доме кто-то есть, хотя я делала вид, что меня нет. Иногда становилось тихо, счёта на три-четыре, а потом трезвон начинался снова.

Я больше не могла сидеть на месте спокойно.

Наверное, стоило забаррикадировать дверь. Но ведь тогда бабушка не попадёт внутрь, когда вернётся.

Я на цыпочках прокралась в коридор. Дверь была надёжно заперта. Её можно было бы закрыть и на второй замок, такой

же крепкий, как и первый.

Пока я об этом думала, из щели для писем раздался голос:

– Открой, пожалуйста!

Это был не враг. Это была бабушка.

– Ты что, не слышала, как я кричу? – спросила она, оказавшись в доме. – Я ключ забыла.

– Ты мне сказала не открывать дверь.

– Это верно.

Её шпильки были не на своих местах.

* * *

Бабушка попросила меня сесть на диван и выслушать её внимательно.

Она сказала, что мне здесь оставаться опасно и лучше уехать. Нельзя, чтобы со мной что-нибудь случилось, ведь я ребёнок её ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.